

В самый разгар веселого танца дверь в тренировочный зал со скрипом распахнулась. Жун Юйхэн остановился, оглянулся и увидел Хуан Цзянина.

Хуан Цзянин, заметив его, тоже на секунду опешил, но тут же поздоровался:

— Тренируешься здесь?

— Угу, — кивнул Жун Юйхэн и спросил в ответ: — Ты тоже пришел порепетировать?

Хуан Цзянин кивнул, отошел чуть в сторону и, взмахнув руками, принялся за движения. Танцуя, он спросил:

— Вышел первый выпуск шоу. Ты уже видел?

Жун Юйхэн принялся повторять за ним движения.

— Не смотрел.

Хуан Цзянин не стал ничего скрывать и завел непринужденный разговор.

— А я вот посмотрел, — он сделал паузу и с искренним восхищением добавил: — Ну ты и кокетка...

Жун Юйхэн едва ноги не переломал. Восстановив равновесие, он скромно отозвался:

— Вы мне льстите.

— Зрителям ты вроде как понравился, а вот у твоего соседа по комнате популярность пока так себе.

Жун Юйхэн удивился:

— У какого именно?

— У молодого господина.

— Почему? Брат Шубай — замечательный человек.

— Когда вы собирались вместе, та сцена, где он хвастался богатством, привлекла слишком много негатива.

Жун Юйхэн не ожидал, что съемочная группа вставит этот момент в эфир! Он тут же прекратил танцевать и, словно бьющий из-под земли фонтан, стремительно рванул к ближайшей камере. Приблизившись вплотную, так что его лицо заняло весь кадр, он закричал:

— Режиссер! Режиссер, это нечестно!

Хуан Цзянин опешил от его внезапной выходки. Смеясь и сокрушаясь одновременно, он попытался оттащить его:

— Не прижимайся так близко, ты же стекло дыханием запотеешь!

Жун Юйхэн немного отстранился и обиженно надул губы:

— Брат Шубай вообще-то очень заботится о нас. Когда я пропустил ужин из-за дополнительных

занятий, он специально заказал мне еду из ресторана.

Хуан Цзянин, испугавшись, что тот сейчас уткнется губами прямо в объектив, обхватил его за талию и потащил назад.

— Эту часть все равно вырежут, прекрати уже говорить.

Жун Юйхэн и ухом не повел. Вырвавшись из хватки Хуан Цзянина, он снова бросился к камере.

Сжав кулачки, он принялся колотить по стене, подражая древним, бьющим в судебный барабан для жалоб, и во весь голос запричитал навзрыд:

— Разыгрывается драма вековая, несправедливость переходит все границы... Не высказать обид, смирения нет в душе моей, взываю со слезами к небесам... о-о-о-о...

Камеры в зданиях работали круглосуточно. Время было не такое уж позднее, так что сотрудники съемочной группы еще не спали. Сидевшая перед монитором Сяо Жань едва не лопалась от смеха.

Она безудержно хохотала, хлопая ладонью по столу:

— Боже мой! Ха-ха-ха-ха-ха! Посреди ночи опять устроил «Обиду Доу Э»!

С этими словами она выскочила из комнаты на поиски Чэнь Ли:

— Режиссер Чэнь! Скорее идите сюда! Тут один из участников бьет в барабан и взывает к справедливости!

Чэнь Ли, которого притащили к монитору, мгновенно развеселился.

На экране Жун Юйхэн, забыв о приличиях, самозабвенно распевал арию из «Великой обиды Доу Э». Позади него Хуан Цзянин изо всех сил пытался его утихомирить:

— Да не пой ты! Это все равно не пустят в эфир!

Сяо Жань покатывалась со смеху:

— Ха-ха-ха-ха-ха!..

Чэнь Ли хитро погладил подбородок... Материал для следующего выпуска готов.

После выхода первого эпизода у многих участников проснулось чувство соперничества. Когда официальные занятия заканчивались, в залах оставалось тренироваться все больше людей.

Создатели шоу наконец прислушались к мнению зрителей и перед показом второго выпуска подготовили два дополнительных зала, чтобы у каждого наставника было отдельное помещение.

До первого отборочного тура оставалась всего неделя, и Жун Юйхэн отдавал почти все силы репетициям.

Накануне трансляции второго выпуска Бянь Чэнь внезапно зашел в зал, где тренировался Жун Юйхэн. Пройдя мимо остальных участников, он направился прямо к нему.

От Бянь Чэня исходила такая явная угроза, что многие ребята прекратили тренировку и устали на него.

Жун Юйхэн как раз репетировал вместе с Цзоу И и Хуан Цзянином. Бянь Чэнь подошел вплотную, сделал вызывающий жест и зачитал рэп:

— Что ты заладил про это танго?

На шоу ты просто случайный прохожий.

Пением лишь привлекаешь внимание,

А сам — слабак из слабаков, йоу!

Закончив свой куплет, Бянь Чэнь остался стоять на месте, с вызовом глядя на Жун Юйхэна сверху вниз. Он ожидал увидеть на его лице обиду или гнев.

Жун Юйхэн на мгновение опешил, а затем его глаза восторженно заблестели:

— Это ты мне спел?

Бянь Чэнь усмехнулся:

— А кому еще? Кроме тебя здесь...

Жун Юйхэн радостно подскочил к нему и схватил за руки:

— Ты специально для меня сочинил стихи?!

Бянь Чэнь онемел:

— Ну... можно сказать и так.

Жун Юйхэн был на седьмом небе от счастья, казалось, вокруг его головы сейчас распустятся цветы. За все двадцать с лишним лет его жизни кто-то впервые написал для него песню!

— Можешь спеть еще раз? Я хочу записать на память.

Бянь Чэнь никак не ожидал такой реакции! Он на секунду завис и, не желая сдаваться, попытался прояснить ситуацию:

— Вообще-то я тебя провоцирую.

Жун Юйхэн пропустил его слова мимо ушей. Он уже вытащил телефон и запустил камеру:

— Ну давай еще разок, брат Чэнь! Я включил бьюти-фильтр, на видео ты будешь выглядеть просто суперски!

Бянь Чэнь:

— ...

Бянь Чэнь сдался, чувствуя полнейшее поражение.

С каменным выражением лица он монотонно, словно робот, зачитал текст без тени эмоций:

— Что ты заладил про это танго. На шоу ты просто случайный прохожий. Пением лишь привлекаешь внимание. А сам — слабак из слабаков. Йоу.

Жун Юйхэн захлопал в ладоши, как счастливый тюлень:

— Ура! Брат Чэнь, потрясающе!

Жун Юйхэн продолжил:

— Но мне кажется, первый раз был лучше, там было столько чувств и экспрессии! Хотя эта запись тоже супер, я буду хранить ее всю жизнь!

Бянь Чэнь внезапно горько пожалел о том, что вообще решил затеять эту ссору. Он чувствовал, что пройдет немного времени, и при просмотре этого видео он будет сгорать от стыда до конца своих дней...

Весь гнев Цзоу И мгновенно улетучился, сменившись безмолвным злорадством: «Ну и зачем ты вообще сюда приперся?»

В смешанных чувствах Хуан Цзянин отвел Жун Юйхэна в сторону и тихонько вразумил его:

— Бянь Чэнь вовсе не дружелюбие тебе демонстрировал.

Жун Юйхэн с улыбкой покачал головой:

— Но это признание моих заслуг. — В его глазах вспыхнул огонек. — Я наконец-то вошел в число сильнейших!

— ...

Хуан Цзянин категорически не понимал его логики и решил даже не пытаться. Иногда ему казалось, что Жун Юйхэн — просто забавный дурачок, а иногда — что он умнее всех остальных, вместе взятых.

Вэнь Чжунюнь чувствовал, что у его сына появился какой-то секрет. Обладая отменным чутьем, он был уверен в этом на все сто!

Когда вечером Вэнь Чжэчэн вернулся домой, Вэнь Чжунюнь не выдержал и как бы невзначай спросил:

— Чжэчэн, ты говорил, что участвуешь в проекте Чэнь Ли. Что это за шоу?

Вэнь Чжэчэн, ничего не заподозрив, на ходу снимал обувь:

— «Козырные звезды», шоу талантов.

Вэнь Чжунюнь лишь понимающе протянул «о-о» и замолчал, вернувшись к своему старому магнитофону, из которого доносилось протяжное пение, которому он тихонько подпевал.

Вэнь Чжэчэн, проходя мимо гостиной, бросил взгляд на аппарат:

— Твой магнитофон уже совсем старый. Давай я куплю тебе новый?

— Не нужно, — Вэнь Чжунюнь провел пальцем по облупившемуся краю проигрывателя. — Этот

очень хороший. Когда твоя мама еще была жива...

Он внезапно осекся. Сердце Вэнь Чжэчэна сжалось, и в гостиной воцарилась тишина, нарушаемая лишь протяжными напевами традиционной оперы из динамика.

Спустя пару секунд молчания Вэнь Чжунюнь резко сменил тему:

— Сын-чэн... одолжи мне свой компьютер. Хочу посмотреть новые постановки.

Вэнь Чжунюнь говорил с легким акцентом, и слово «сын» у него вечно звучало как «сын-чэн», созвучно с именем Вэнь Чжэчэна. Со временем ему даже понравилось это забавное совпадение, и он частенько так к нему обращался.

От этого внезапного обращения у Вэнь Чжэчэна заныли виски. Сдержанно кивнув, он согласился.

Он развернулся и пошел в кабинет за ноутбуком.

Вэнь Чжунюнь посмотрел ему вслед, и на его лице расплылась хитрая, торжествующая улыбка...

Снова глубокая ночь. Вокруг царила мертвая тишина.

Вэнь Чжэчэн опять проснулся от смеха. Но на этот раз смеялся не он сам — звуки доносились из соседней комнаты.

Вэнь Чжунюнь, отдавший опере не один десяток лет, даже смеялся с театральной манерностью. Его раскатистое гусиное «го-го-го-го...» непрекращающейся сиреной воздушной тревоги проникало сквозь стены и било прямо по барабанным перепонкам.

— ...

Помассировав переносицу, он поднялся с постели и направился в соседнюю комнату.

Дверь негромко щелкнула, приоткрывшись, и залиvistое гусиное гоготанье мгновенно прекратилось.

Вэнь Чжунюнь сидел на кровати в обнимку с ноутбуком, приоткрыв рот в немом испуге пойманного с поличным преступника.

В темной комнате не горел свет, лишь бледное свечение экрана выхватывало его лицо из темноты, отчего испуганно расширившиеся белки глаз казались неестественно яркими.

Вэнь Чжэчэн пристально посмотрел на него:

— Папа, что ты делаешь?

Вэнь Чжунюнь медленно, словно в замедленной съемке, закрыл рот и сглотнул:

— Ничего...